

Не лидеры, не подчиненные Подходы России, Китая и Индии к СОТРУДНИЧЕСТВУ И КОНФЛИКТУ С ЗАПАДОМ

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 334
Август 2014

Михаил Троицкий
*Московский государственный институт международных отношений (МГИМО),
Фонд Макартуров¹*

В контексте текущих международных кризисов Россия, Индия и Китай (РИК) привлекают к себе внимание как государства, чья скоординированная позиция на мировой арене могла бы стать противовесом доминированию сообщества развитых стран. Идеи создания неформальной группы РИК для координации внешней политики её членов обсуждались с конца 1990-х годов.² Все трое участников группы позиционируются в качестве динамично развивающихся государств, способных показывать устойчивый экономический рост без сильной зависимости от развитых стран. Тем не менее отношения в треугольнике «Китай—Индия—Россия» оказываются неравнозначными. Москва часто заявляет о «стратегическом партнёрстве» с Китаем, ведущем отсчет с российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 года; китайские инвестиции в российский энергетический сектор уже значительны и быстро нарастают. Китай является главным торговым партнером Индии, однако китайско-индийские территориальные споры и военно-стратегические противоречия не позволяют РИК стать полноценным многосторонним совещательным форумом, в рамках которого принимались бы важные для мира решения. Вопреки ожиданиям, за почти полтора десятилетия трём странам не удалось обеспечить координацию позиций по актуальным проблемам глобального значения или выработать четкие совместные декларации, подчёркивавшие бы согласованность точек зрения сторон.

¹ Данный текст отражает исключительно мнение его автора и может не совпадать с позицией МГИМО или Фонда Макартуров.

² В 2000-е годы страны РИК (Россия, Индия и Китай) вместе с Бразилией и ЮАР создали БРИКС – более формализованное объединение, в рамках которого с 2009 г. проводятся ежегодные саммиты и обсуждаются перспективные проекты, такие как создание нового банка развития, способного конкурировать с институтами Бреттон-Вудской системы. В определенной степени добавляя веса и легитимности заявке РИК на признание в качестве глобальной силы, с которой следует считаться, присоединение Бразилии и ЮАР существенно не меняет и не уточняет «послание» со стороны БРИКС остальному миру. Поэтому, учитывая ограниченный объем данного текста, позиционирование группы динамично развивающихся государств по отношению к сообществу развитых стран анализируется здесь лишь сквозь призму подходов Китая, России и Индии.

Помимо серьезных разногласий в индийско-китайских отношениях, главной структурной причиной подобного недостатка сплочённости заключается в том, что РИК состоит из стран, которые, с одной стороны, не обладают достаточной привлекательностью и ресурсами, чтобы играть роль глобальных лидеров, но с другой стороны, не желают становиться в подчинённое положение по отношению к каким-либо другим державам, претендовавшим на лидерскую роль. Государства РИК не были замечены в продвижении глобальных проектов, притягивающих других международных игроков, внешнеполитические устремления стран РИК концентрируются в основном на соседних регионах. В то же время, эти страны дорожат свободой манёвра на мировой арене и, по крайней мере на долгосрочную перспективу, не связывают себя жёсткими правилами членства в военно-политических альянсах, если в этих альянсах участвуют не менее мощные игроки, в первую очередь США.

Преследуя преимущественно свои региональные интересы, страны РИК традиционно проявляли умеренность в попытках создания глобального противовеса США и их союзникам. Ситуация изменилась в ходе украинского кризиса, когда Россия предприняла попытку стимулировать глобальное недовольство политикой США и в явном виде сформировать широкий антизападный альянс. К настоящему времени это вызывало неоднозначную реакцию со стороны Китая и Индии. Они обратили антизападные претензии России в свою экономическую выгоду, но вместе с тем избегали проявлений открытой поддержки какой-либо из сторон конфликта вокруг Украины и воздерживались от враждебных действий и резких заявлений в адрес США.

Отвечая Западу

На протяжении последних десятилетий страны РИК находились перед лицом вызова со стороны Запада в ряде областей, включая высокие технологии, методы урегулирования конфликтов и инновации во внешнеполитических доктринах. Технологический вызов связан с западными разработками высокоточного оружия, исследованиями в сфере космического оружия и перспективными системами противоракетной обороны. Вызов в сфере урегулирования конфликтов обусловлен склонностью Запада оказывать во внутренних конфликтах в различных государствах поддержку той стороне (чаще всего оппозиционной по отношению к существующему режиму), победа которой являлась нежелательной с точки зрения какой-либо из стран РИК. Государства РИК беспокоятся по поводу изменений в западных внешнеполитических доктринах, в которых теперь декларируется солидарность со страдающим населением иностранных государств и ответственность международного сообщества по его защите. Мыслящие категориями национального интереса своих стран аналитики в Москве, Пекине и Нью-Дели часто представляют гуманитарные проблемы в качестве ширмы для действий Запада, направленных на получение геополитических преимуществ, обеспечение доступа к «стратегическим ресурсам» или приведению к власти «контролируемых извне» правительств в «стратегически важных» государствах.

В течение двух последних десятилетий Китай, Россия и Индия реагировали на эти и другие вызовы по меньшей мере четырьмя различными способами:

- асимметричными мерами, имевших целью нивелировать преимущества Запада;
- предложениями принять новые международно-правовые нормы, которые ограничивали бы западные нововведения;

- попытками сохранить паритет с Западом в областях технологий и доктрин (либо копировать западные инновации);
- сотрудничеством с Западом в соответствующих проблемных областях.

Например, на предполагаемую угрозу боеспособности российских сил ядерного сдерживания со стороны американской системы противоракетной обороны Россия *асимметрично* ответила модернизацией своих мобильных стратегических ядерных ракет – одного из наименее уязвимых компонентов арсенала сдерживания. Можно легко найти примеры асимметричных ответов России на вооружённые интервенции со стороны США, включая дипломатическую поддержку Россией Сирии и поставки вооружений правительству Башара Асада, а также попытки Москвы и Пекина защитить Иран от жёстких санкций со стороны США и их союзников, осуществлявшихся в обход ООН.

Доктринальные новшества Запада — идеи солидарности, универсальных прав человека и «ответственности по защите» страдающего населения других государств без формального одобрения Советом Безопасности ООН – также повлекли за собой особый асимметричный ответ. В последние несколько лет китайские, индийские и российские власти ужесточили ограничения, накладываемые на свободу действий как местных, так и транснациональных неправительственных организаций, рассматривавшихся правительствами этих стран в качестве «агентов западного влияния», действующих «под прикрытием» универсальных прав и ценностей.

Россия применила также тактику *правовых ограничений*, которые предлагалось наложить на нежелательные действия стран Запада в попытке противодействовать успехам США в области высокоточных стратегических вооружений. Так, в ходе переговоров по заключению Договора СНВ-2010 Москва настояла на том, чтобы межконтинентальные баллистические ракеты с обычными боеголовками попали под общее количественное ограничение наряду с носителями ядерных боеголовок.

Китай и Россия имеют богатый опыт противодействия «западному интервенционизму» посредством многосторонней дипломатии. Оба государства накладывали или угрожали наложить вето на резолюции Совета Безопасности ООН, дававшие зелёный свет интервенциям в бывшей Югославии, Ираке и Сирии. Москва, Пекин, а в некоторых случаях – и Дели противодействовали западным доктринальным инновациям посредством разработки и популяризации своих собственных концепций. Страны РИК неоднократно призывали рассматривать принцип суверенитета в качестве одним из немногих мощных стабилизирующих факторов в мировой политике, который вместе с балансом сил препятствует опасному установлению гегемонии какого-либо одного государства (читай – США).

Поскольку экономический потенциал государств РИК за последнее десятилетие заметно усилился, эти страны также опробовали ряд *симметричных стратегий*, направленных на поддержание паритета с США и их союзниками посредством мер, зеркально отображающих западные. В качестве одного из ответов на развитие американской системы ПРО, Москва объявила в 2011 г. о создании российских сил военно-космической обороны и планах потратить на их развитие в ближайшем десятилетии десятки миллиардов долларов. Вмешиваясь в конфликты в Абхазии, Южной Осетии и в Крыму, впоследствии признавая независимость данных территорий или присоединяя их к себе, Россия часто утверждала, что копирует западный интервенционизм косовского или иракского образца. Кроме того, Россия отреагировала на западные доктринальные

инновации, сославшись на принцип «ответственности по защите» для обоснования своих притязаний на Крым и на поддержку населения восточной Украины. По версии Кремля, российские «соотечественники» в этих регионах оказались под угрозой из-за политики новых украинских властей.

Таблица 1. Типы реакции государств РИК на западные технологические, стратегические и доктринальные инновации

		<i>Ответ</i>			
		<i>Асимметричный</i>	<i>Международно-правовые ограничения</i>	<i>Поддержка паритета</i>	<i>Сотрудничество</i>
Вызов	<p><i>Передовые военные технологии:</i></p> <p>противоракетная оборона, высокоточное оружие, ядерное оружие, космическое оружие</p> <p>Режим нераспространения (Индия)</p>	<p>Мобильные ракетные комплексы, противоспутниковое оружие, новые крылатые ракеты, высокоточные противокорабельные ракеты</p>	<p>Включение обычных вооружений в предельные уровни стратегических вооружений, предложение заключить договор о неразмещении оружия в космосе</p> <p>Призывы Индии запретить ядерное оружие или принять ее в Договор о нераспространении ядерного оружия на недискриминационной основе (в качестве ядерной державы)</p>	<p>Учреждение в России Сил военно-космической обороны; модернизация российских конвенциональных вооружений; Развитие Индией ядерных вооружений вне Договора о нераспространении и ядерного оружия</p>	<p>Подписание Индией «соглашения 123» с США в 2005 г, поддержка ею инициатив глобального ядерного разоружения</p>
	<p><i>Урегулирование конфликтов:</i></p> <p>Сирия, Ливия, Грузия, Косово</p>	<p>Вооружение правящего режима в Сирии, сопротивление ужесточению санкций против Ирана, Возложение на НАТО вины за хаос в Ливии после интервенции</p>	<p>Наложение вето на резолюции Совета Безопасности ООН, разрешавшие интервенцию или помощь оппозиции во внутренних конфликтах, подчеркивание обязательности мандата СБ ООН на вооруженное вмешательство, предложения о заключении многосторонних и имеющих обязательную силу договоров, запрещающих расширение конкурирующих блоков (Хартия европейской безопасности), попытки предотвратить признание Косово и установить жесткие правила для миротворческих операций</p>	<p>Вмешательство России в конфликты в Грузии и на Украине, притязания Китая на Тайвань</p>	<p>Посредничество о России в деле химического разоружения Сирии, участие Китая в антипиратской миссии в Аденском заливе</p>
	<p><i>Доктринальные инновации:</i></p> <p>концепции солидарности, транснациональные подходы к обеспечению прав человека и к «ответственности по защите», поддержание контактов с оппозиционными и движениями и</p>	<p>Ограничение деятельности неправительственных организаций (Россия) и иностранного финансирования такой деятельности (Китай, Индия)</p>	<p>Продвижение конкурирующих нарративов о безусловном уважении суверенитета как главного стабилизирующего фактора в международной системе и против вмешательства извне во внутреннюю политику государств.</p> <p>Продвижение в качестве нормы идеи «сфер влияния», согласно которой интересы региональных великих держав в соответствующих регионах (Китай – в Восточной и Юго-Восточной Азии, России – в постсоветской Евразии и Индии – в Южной</p>	<p>Демонстрация Россией солидарности с «соотечественниками» на Украине и поддержка принципа их самоопределения</p>	<p>Поддержка Россией принятой в марте 2011 г. резолюции СБ ООН № 1973 защите гражданского населения Ливии</p>

	активистами, свобода выбора государствами альянсов и аффилиаций		Азии) должны уважаться США и их союзниками. Предоставление региональным державам свободы действий в данных регионах необходимо для того, чтобы избежать дилеммы безопасности и сохранить стабильность в прилегающих к России и Китаю районах. Данная норма может ограничивать суверенитет менее влиятельных соседей крупных региональных держав, особенно свободу выбора «малыми государствами» альянсов.		
--	---	--	---	--	--

Наконец, еще одним возможным вариантом реакции стран РИК на доминирование Запада является *сотрудничество* с США и их союзниками. Такого рода сотрудничество осуществляется от случая к случаю и почти никогда не приобретает характер стратегического сближения. Так, после своего вступления де-факто в «ядерный клуб», Индия решила сотрудничать с Соединенными Штатами, подписав с ними соглашение об использовании ядерной энергии в мирных целях. Россия, в свою очередь, сотрудничала с США и их союзниками в вопросах химического разоружения Сирии, что было расценено осенью 2013 года как шаг к разрешению внутрисирийского конфликта. Китай вместе с несколькими другими развивающимися странами принимал участие в антипиратских патрулях у берегов Африки – миссии, ставшей успешным примером многостороннего сотрудничества.

Иногда ответ стран РИК на вызов со стороны Запада включал сразу несколько описанных выше видов реакции, но при этом один вид обычно доминировал.

Перспективы полноценного альянса

Каждое из государств РИК выработало свой набор ответов на вызовы со стороны Запада. Некоторые из этих реакций похожи, в то время как другие серьезно различаются. Сложности координации совместных действий стран РИК являются следствием расхождений в их внешнеполитических повестках, а также стремления каждого из них сохранить свободу маневра. Возможно ли резкое сближение внешнеполитических стратегий государств РИК на фоне конфликта вокруг Украины? Способны ли Россия, Индия и Китай дать согласованный ответ на нежелательные сценарии урегулирования конфликта и действия США и их союзников?

В последние несколько лет Россия колебалась между сотрудничеством с Западом и противодействием влиянию США в бывших советских республиках. С одной стороны, произошла «перезагрузка» российско-американских отношений, был обеспечен транзит через Россию в Афганистан американских грузов, оказано совместное давление на угрожавший стать ядерным Иран. Во время периодов сотрудничества Россия воспринимала укрепление связей с США как хорошую страховку от потенциального давления со стороны Китая. С другой стороны, даже во времена «перезагрузки» не переставала готовиться к прямой конфронтации с США и их союзниками и ожидала возможности проверить решимость Вашингтона идти на конфликт с Россией по принципиальным для Москвы вопросам. К весне 2014 года Россия ясно дала понять, что стремится ни много ни мало к масштабному пересмотру действовавших в период после

холодной войны международных «правил игры» -- по крайней мере, в соседних с Россией регионах. Москва жестко обозначила своё несогласие с правом менее влиятельных государств-соседей выбирать альянсы без учета российских интересов в сфере экономики и безопасности. Рассуждения о «разделенном народе» и подкреплённая военной силой ставка на защиту «соотечественников» в сопредельных странах подвергли сомнению жизнеспособность статуса-кво, который Запад стремится сохранить.

Непременным условием успеха «украинского гамбита» России является расширение коалиции государств, готовых к совместному противопоставить себя Соединенным Штатам и их союзникам. Сдержанное одобрение Китаем и Индией действий Москвы и дружественный нейтралитет по отношению к России, конечно, лучше критики со стороны партнеров по РИК, однако этого вряд ли достаточно, чтобы заставить Вашингтон уважать требования Москвы.

Китай расширил экономические связи с Россией, присоединившись к выгодному для КНР проекту строительства трубопровода «Сила Сибири». Майское соглашение 2014 года о будущих поставках природного газа через этот трубопровод предполагает незамедлительный аванс с китайской стороны в объеме 25 млрд. долларов – важное финансовое вливание в замедляющуюся экономику России.

Тем не менее на дипломатическом и военном уровнях Китай, похоже, не готов к эскалации напряженности с Соединенными Штатами далее уровня, за которым американо-китайские отношения в целом оказались бы под угрозой. Вместо того чтобы однозначно проявить солидарность с Москвой, Пекин воздержался при голосовании по осуждающим российские действия в Крыму резолюциям Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН в марте 2014 года. Подписав газовое соглашение с «Газпромом», Китай принял участие в совместных с США военно-морских маневрах в июле 2014 года, несмотря на возросшую за последний год напряженность между КНР и некоторыми американскими союзниками в Азии.

В настоящее время Китай не требует фундаментального пересмотра правил игры на евразийском пространстве или в глобальном масштабе. Пекин лишь ищет возможности асимметричной реакции на американское доминирование на Тихом океане, постепенно испытывая на прочность границы международного морского права. В заявлениях Китая не содержатся открытые претензии на право защищать этнические китайские диаспоры в соседних странах, или же отказывать этим странам в праве на участие в торговых или военно-политических союзах под эгидой США. Китай порой координирует с Россией деятельность по созданию противовесов США и их союзникам, однако противодействие Вашингтону не является для Пекина столь же принципиальным делом, как для Москвы с начала 2014 года. Чтобы понять это, достаточно сравнить накал риторики президента Владимира Путина и председателя КНР Си Цзиньпина.

Подобно Китаю, Индия воздержалась от публичного осуждения России за присоединение Крыма. Дели выступил также против западных санкций в отношении РФ: когда США и ЕС стали наращивать давление на Москву весной 2014 года, Индия дистанцировалась от Запада в данном вопросе. Индия, очевидно, высоко ценит торговлю вооружениями с Россией, совместные проекты в сфере военно-промышленного комплекса, а также доступ к российским ядерным технологиям. Между Дели и Москвой почти нет противоречий по ключевым международным проблемам.

Тем не менее Дели в принципе осуждает изменения границ и не согласен с ключевым посылом России о том, что интервенции США в бывшей Югославии и Ираке

легитимируют аналогичные действия других игроков. Весной 2014 года Индия, вероятно, выразила Москве по дипломатическим каналам свою озабоченность любыми потенциальными планами российского вмешательства в ситуацию на восточной Украине. Дели еще в меньшей степени, чем Пекин склонен требовать изменения международных «правил игры» за исключением тех, которые относятся к режиму нераспространения ядерного оружия. По некоторым сообщениям, в период отделения Крыма от Украины Индии в основном была обеспокоена тем, что кризис мог бы, как выразился один из индийских комментаторов, сподвигнуть Китай на аналогичное «расширение сферы своего влияния» за индийский счет.

Как следствие, Дели не чувствует необходимости поддерживать Москву сильнее, чем это диктуется традиционными внешнеполитическими интересами Индии. К тому же, средства, выделяемые Дели на внешнюю политику, остаются, как известно, ограниченными, что удерживает Индию от участия в рискованных международных предприятиях, требующих значительных интеллектуальных и материальных ресурсов.

На саммите БРИКС в июле 2014 года Индия, Китай и Россия, наряду с Бразилией и ЮАР выступили с декларацией, осуждающей «односторонние военные интервенции и экономические санкции в нарушение международного права», а также попытки «укрепления безопасности [одного государства] за счет безопасности других». Тем не менее данная риторика не выходила за рамки традиционной критики США и американских союзов и не означала поддержку позиции России по Крыму или конфликту на Украине.

Заключение

Перспективы участия государств РИК в смелых проектах многостороннего сотрудничества в сфере безопасности, нацеленных на создание противовеса западному влиянию (особенно в контексте украинского конфликта) выглядят ограниченными. Если Китай и Россия время от времени объединяются для противодействия Соединенным Штатам, то Индия не готова упорно противостоять развитым странам в области безопасности. Москва и Пекин, несомненно, продолжают совместно продвигать в учреждениях ООН и на других многосторонних площадках международно-правовые нормы, ограничивающие влияние США. Однако в силу тактических расхождений вряд ли стоит ожидать, что украинский кризис станет катализатором «единого фронта» РИК (не говоря уже о БРИКС), готового немедленно бросить вызов США и их союзникам во всем мире.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org